

Ли Суй кивнул и добавил:

— Недавно ко мне приходил Альянс-мастер Вань.

— О чем он говорил? — Чжу Яньинь взял две чашки.

— В тот день в зале совещаний Лю Сиян не договорил из-за кое-чего другого, — сказал Ли Суй.

— Та женщина как-то призналась ему, что в Альянс боевых искусств уже пробралось немало людей из Храма Фэньхо.

Чжу Яньинь слегка нахмурился.

Если бы речь шла об одном или двух лазутчиках, то подозрение, скорее всего, пало бы на Усадьбу Шанжу. После побега Ду Цяня Альянс-мастер Вань уже отправил погоню из представителей двух крупных орденов, а также поручил им разузнать все подробности в Усадьбе Шанжу. Но если в Альянс действительно внедрилось «немало людей из Храма Фэньхо», то сколько именно скрывалось под этим «немало»?

Ли Суй продолжил:

— Лю Сиян утверждает, будто умолчал об этом при всех из страха посеять взаимные подозрения внутри Альянса боевых искусств. К тому же он и сам не знал наверняка, правда это или же женщина просто выдумала все, чтобы переманить его на свою сторону.

Чжу Яньинь замялся:

— Как думаешь, Лю Сияну можно верить?

Ли Суй спросил в ответ:

— А сам как думаешь?

— Трудно сказать, — Чжу Яньинь доел последний кусочек лакомства. — Я с ним не общался, но, судя по истории с Тань Шуцю, человек он довольно паршивый.

Они посидели еще немного, пока не пришел Чжу Чжан, чтобы напомнить своему молодому господину, что пора возвращаться в комнату и отдыхать. После ухода Чжу Яньиня Ли Суй тоже поднялся и направился к выходу:

— Ступай и позови кондитера из дома напротив.

Лань Янь удивилась:

— Того, что напротив? Нового Сяо Инь?

С чего бы это вдруг звать чужого кондитера?

Теряясь в догадках, она послушно ушла.

У кондитера был весьма приветливый вид, а звали его А-Цин. Увидев, что за ним пришла красивая дева-воительница из цзянху, он с готовностью последовал за ней.

— Владыка дворца Ли, вы искали меня? — спросил он при встрече.

Ли Суй бросил ему мешочек с драгоценными камнями:

— Хватит?

А-Цин лишился дара речи:

— ...

В Усадьбе Чжу денег не считали, но при обычных обстоятельствах жалованье кондитера не могло быть запредельно высоким — от силы в три-пять раз больше, чем у коллег по ремеслу.

А тут вдруг предлагают в тридцать, а то и в пятьдесят раз больше! И ведь трудиться придется не на каких-то чужаков из цзянху, а на другого Сяо Инь — разве от такого отказываются?

Чжу Синьсинь все еще спал в своем благоухающем цветами пологе, даже не подозревая, что незаметно лишился любимого повара.

Цзянху поистине суров и коварен.

На следующее утро, едва проснувшись, Чжу Яньинь узнал о том, что кондитера его двоюродного брата переманил владыка дворца Ваньжэнь. Он сидел на постели в крайнем недоумении, не понимая, откуда взялся этот фантастический поворот сюжета. Позабыв про завтрак, он наскоро умылся и поспешил к Ли Сую. Но стоило ему толкнуть дверь, как он замер: весь стол ломился от разнообразных сладостей, источавших аппетитный аромат, а в воздухе витал запах свежесваренного чая.

— ...

Ли Суй поманил его пальцем:

— Подойди.

Чжу Яньинь сделал пару шагов вперед, сел напротив него и негромко спросил:

— Если предложить в десятки раз больше серебра, они вполне могли бы продать рецепт Ханьмайсу. Почему ты, не дождавшись, пока дядя Чжан обо всем договорится, сразу переманил повара моего брата?

Ли Суй с любопытством прищурился:

— Ты меня винишь?

Чжу Яньинь соображал очень быстро: «Вовсе нет, я тебя хвалю».

Ли Суй проявил щедрость:

— Ничего страшного, можешь ругать меня втайне.

Чжу Яньинь лишь изумился подобной причуде.

Поэтому, когда разгневанный Чжу Синьсинь ворвался к ним, он первым же делом увидел, как его младший брат преспокойно уплетает сладости в компании зловещего человека в черных одеждах из цзянху, да еще и весело с ним болтает. У Чжу Синьсиня от такой картины перехватило дыхание: «Мой повар! Мой братец!»

Но поделаться он ничего не мог — эти злодеи из цзянху не признавали никаких законов логики. Вчера Чжу Яньинь показался ему особенно близким с Ли Суем, поэтому Чжу Синьсинь специально расспросил дядю Чжана о Дворце Ваньжэнь. Преданный старый слуга проявил себя в этот момент на все сто процентов. Стараясь не слишком сильно отступать от действительности, он описал Ли Суя как невероятно сильного и надежного человека. Он опустил жуткие слухи о том, как тот пожирает людей дождливыми ночами, и сосредоточился на очевидном достоинстве — звании «лучшего в поднебесной», расхвалив его на все лады раз семь или восемь.

Иного выхода не было. Чжу Чжан, искушенный годами опыта, прекрасно понимал: хоть Цзян Шэнлинь и сердился, он не мог на самом деле вернуться в Цзяннань. Болезнь их молодого господина была вылечена лишь наполовину, медлить было нельзя, а значит, единственным вариантом оставалось следовать за Альянсом боевых искусств дальше на север, к Сюэчэн.

Чтобы успокоить молодого господина и избавить себя от лишних хлопот, следовало скрыть тот факт, что весь цзянху трепещет перед владыкой дворца Ли. Нужно было выставить его верным и благородным героем, добавив к образу каплю простодушной искренности.

Чжу Чжан даже прибег к поэтическим строкам вроде «не изведав лютых зимних холодов, не вкусить благоухания цветов сливы» — пусть цитата и казалась притянутой за уши, зато звучала весьма проникновенно.

Так что теперь Чжу Синьсинь хоть и злился, но все же не считал Ли Суя неисправимым злодеем. Особенно после того, как Чжу Яньинь твердо заявил: «Это я хотел забрать кондитера». Услышав это, Чжу Синьсинь окончательно оставил мысль переманить повара обратно и лишь с укором произнес:

— Если тебе так хотелось сладостей, мог бы просто сказать, и я бы отдал тебе А-Цина. Зачем нужно было просить о помощи постороннего?

К этому моменту Ли Суй уже ушел. Чжу Яньинь быстро сообразил, что ответить. Он склонился к уху брата и заговорщицким шепотом произнес:

— Дело вот в чем: как-то раз я оказал владыке дворца Ли услугу. Он постоянно искал случая отблагодарить меня и то и дело напоминал об этом долге. Вот я и воспользовался моментом, попросив его нанять кондитера, чтобы мы остались в расчете.

Чжу Синьсинь понимающе кивнул: «Так вот оно что!»

Успокоив брата и проводив его, Чжу Яньинь вернулся в комнату Ли Суя. Стоило ему переступить порог, как Ли Суй схватил его за щеку:

— И какой же долг я тебе задолжал?

Чжу Яньинь упрямо возразил: «Ты съел мой старый дикий женшень, Божественный целитель Цзян сам так сказал».

Ли Суй не сдержал смешка.

Чжу Яньинь высвободил свои щеки из его рук:

— Почему ты опять подслушивал?

— Потому что у меня превосходное боевое искусство, — невозмутимо ответил Ли Суй.

Чжу Яньинь подумал: «С такой железной логикой даже не поспоришь. Ладно, проехали».

Ли Суй продолжил:

— Я видел, как сюда направляется Тань Шуцю. Похоже, он снова идет к тебе.

— Но ведь Банда Цанлан расположилась в соседнем дворе? — удивился Чжу Яньинь. — Тут же всего два шага.

Сказать-то легко, но походка у Тань Шуцю была весьма своеобразной: он делал два шага вперед и три назад, затем пять шагов вперед и два назад, точь-в-точь как при исполнении народных танцев янгэ. Вопрос: сколько времени потребуется такому молодому господину Таню, чтобы добраться до покоев Второго молодого господина Чжу?

Ответ: примерно столько, сколько нужно, чтобы выпить чашку чая.

Тань Шуцю сперва осторожно заглянул в комнату и, убедившись, что Чжу Яньинь там один, с облегчением выдохнул. Он до смерти боялся Ли Суя — у него подкашивались ноги от одной мысли о том, чтобы сидеть с ним за одним столом, не говоря уже о разговоре с глазу на глаз.

— Брат Чжу, мне нужно сообщить тебе кое-что очень важное.

— Что именно?

— Когда я путешествовал в компании тех четверых... — голос Тань Шуцю становился все тише и тише, пока под конец не осталось лишь беззвучное шевеление губ.

Ли Суй сидел на крыше, вслушиваясь в их разговор, и в глубине его глаз собиралась мрачная буря.

После обеда все снова двинулись в путь.

Обе группы из Усадьбы Чжу объединились, отчего их и без того роскошный, сверкающий белизной караван стал еще внушительнее. Удивительно, но в рядах Альянса боевых искусств они смотрелись на редкость гармонично, напоминая отряд благородных героев, отправившихся искоренять зло во имя справедливости. Вот только если другие полагались на грубую силу оружия, то утонченные выходцы из Цзяннани, казалось, вознамерились достичь бессмертия и вознестись на небо.

Однако Чжу Яньиню наскучило ехать в карете. Он оседлал Чжаое Юйшицзы и легкой рысью пристроился к отряду Дворца Ваньжэнь.

Ли Суй с невозмутимым видом мысленно порадовался, приписав эту заслугу кулинарному искусству мастера А-Цина.

На самом же деле сладости тут были ни при чем. Чжу Яньинь сбежал лишь потому, что Чжу Синьсинь оказался невероятно болтлив. Тот без конца уговаривал любимого кузена вернуться в Цзяннань, повторяя одно и то же по кругу, отчего у Чжу Яньиня уже уши пухли.

Но Ли Сую он ничего не сказал, поэтому владыка дворца Ли продолжал считать это заслугой А-Цина.

Сам кондитер, проработавший во Дворце Ваньжэнь всего полдня, принимал из рук прекрасной девы-воительницы увесистый кошель с наградой с чувством легкого головокружения. «В какую же погрязшую в роскоши обитель зла в цзянху я попал? Отсыпьте еще, пожалуйста!»

«И правда: овладей искусством варить, парить и жарить — и нигде в мире не пропадешь. Отец не обманул!»

Седло на спине Тисюэ Учжуй теперь украшал чехол из серебристого атласа. Его заменил дядя Чжун. Заметив, что молодой господин оставляет Чжаое Юйшицзы без дела, то и дело пристраиваясь поближе к коню владыки дворца Ли, старый слуга вежливо поинтересовался у людей из Дворца Ваньжэнь, нельзя ли сменить седло на более просторное и удобное.

Первое недоумение адептов Дворца Ваньжэнь: почему эти люди из Цзяннани вечно зарятся на коня нашего владыки?

Второе недоумение: и почему владыка вообще согласился?

Лань Янь молча созерцала огромного вороного коня с серебристой атласной подушечкой на спине:

— ...

Цзян Шэнлинь мысленно вздыхал: «Всё в порядке, дело житейское. В Усадьбе Чжу вечно не знают, куда девать деньги!»

<http://bllate.org/book/18290/1754126>